

Николай Юрлов

Николай Алексеевич Юрлов – красноярский литератор и публицист, выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького, работал в областных и краевых изданиях Самарканда, Томска, Красноярска, а также собственным корреспондентом газеты «Гудок». Автор многих книг, в том числе «110 лет неизвестности», «Зеркало антиквара». Победитель профессиональных конкурсов «Журналистская Россия», «Сибирь – территория надежд», лауреат «Российского писателя» за 2016 год в номинации «Критика». Публикации в «Литературной газете», «Литературной России», в журналах «Молодая гвардия», «Мир Севера», альманахах «Енисей» и «Новый Енисейский литератор».

СЛЁЗЫ ЛУНЫ

(Из блогосферного дневника)

Самолюбие, которое слишком часто греется, со временем закипает и превращается в качественно новое состояние – многогрешную гордыню.

Афоризм

Однажды на чужбине Бунин как-то проговорился: мол, нет ничего лучше дневников, всё остальное – брехня, но возводить это заявление мэтра в абсолют я бы не решился. Есть у меня подозрение, что причиной столь неожиданного высказывания стал предмет воздыханий писателя-изгнанника. Дневник любимой ученицы чем не повод для комплимента, а истина это или просто красное словцо, – попробуй теперь разберись.

Но вот уже наш брат раздувает из этой фразы литературного слона, подводит под него смысловую базу: ах, дневники, дневники, в блогосферный век они и есть настоящая проза!..

Не у всех и не всегда, а только, видимо, у больших писателей лист бумаги становится тем самым безыскусным инструментом, с помощью которого можно заглянуть в тайники своей души. В известном смысле они могут оказаться даже потёмками, потому как чего только бумаге не доверяют. Опять же если брать литературных звёзд солидной величины, можно многое узнать такого, что покажется мелким, что не заслуживает внимания или выдаёт подробности, которые вовсе не для публикации.

В чём ценность дневника Льва Толстого, для меня, к примеру, вопрос: только ли в том, что у Маши пахнет изо рта? Для чего же автор заставляет нас думать о гигиене ротовой полости, видимо, и впрямь сильно запущенной в XIX веке даже у представителей дворянства? Но проблема гнилых зубов в личных записях властителя русских дум – это ещё полбеда...

Помню, не меньшее изумление вызвали у меня небезызвестные дневники Юрия Нагибина: маститый советский писатель изливал свою душу бумаге на протяжении целых десятилетий. И так основательно промочил исписанные листы, что сушить их не пересушить. И ладно бы они касались собственной биографии, сумбурного и параллельно-последовательного сожительства с женой и тещей!

Но только в этот порочный круг в записях о Михайловском оказались вовлечены и Пушкин, и старушка Осипова с дочерьми, и дворовые барышни-крестьянки, и воспетая поэтом Анна Керн. Всех сдал с потрохами Юрий Маркович в своих откровениях и даже принимающую сторону заповедника в лице Семёна Гейченко не пощадил. Гулять так гулять!

Бумага, конечно, всё стерпит, она любую исповедь примет на свою идеально чистую поверхность. Но толерантность того листа обманчива, ведь судить о написанном будет читатель, а он, как известно, не Господь Бог и озвученный грех вряд ли простит. Вот и меряй, писатель, семь раз, прежде чем

сесть за дневник: славу Юрия Олеши этот скользкий литературный жанр точно не принесёт. А вреда наделает – будь здоров!

Всё так, но, готовя свои дневниковые записи для «Берегов», я абсолютно никого не слушал. А вот что именно из моего послушания на практике получилось, пусть теперь оценит читатель...

Лапти

(Чем не сапоги-скороходы?)

Из века в век твердили и сейчас ещё твердят, что, мол, Россия лапотная. А ведь лапти – самая удобная обувь для ноги. Простолюдины в Европе, между прочим, в деревянных обутках щеголяли.

И что с их ножками-ноженьками стало, только одному ортопеду, пожалуй, известно... А в наших простеньких обутках – да хоть полмира можно обойти: у русских лаптей мессианская миссия!

Не чета

(Рекомендательное)

Если кто-то собирается к нам в гости (по доброй ли воле, или по казённой надобности), настоятельно рекомендую изучить вдоль и поперёк путевые очерки Чехова, отправляемые им из далёкого края в Санкт-Петербург, к Суворину. Они небольшие, по-детски непосредственные, полные дорожных открытий: европейскому читателю знать надобно, что *«Сибирь есть страна холодная и длинная. Еду-еду и конца не видать!»*

И что только после Енисея начинается вся красота сибирская с её бескрайней тайгой и лесистыми горами, идущими внахлёт, бесконечной чередой друг за другом, с ложбинами и распадками, полными какой-то особенной таинственности...

Тайга настоящая, черневая, с высокотравьем во весь человеческий рост, она не чета обычному смешанному лесу среднерусской полосы!

Загадка жизни

(Одна памятная дата)

Был в России День благодарения Сибири, государственный праздник, который официально отмечался с 1881 года (если по новому, григорианскому стилю, то восьмого ноября). Но лишили, понятное дело, сибиряков и этого торжества.

А вот право на выкачивание богатств оставили за собой, и по-прежнему «Сибирь как колония», о чём твердил ещё истинный её патриот Николай Ядринцев в своей блестящей работе.

Нынешние власти вообще переплюнули всех предшественников: раздербанили Сибирь-матушку по федеральным округам. Теперь бывшая Тобольская губерния – это уже Урал, а прежняя Якутская область – это Дальний Восток. Вот она, география Садового кольца в сугубо невском представлении!..

Но особенно преуспел Егорушка Гайдарушка, когда публично заявил, что право на жизнь в Сибири имеет лишь стокилометровая зона вдоль Транссиба, а всё остальное – только вахтовый метод. Впрочем, сей человек никогда не умел «разрешать загадку жизни», а только такие люди, способные это сделать, как утверждал Фёдор Михайлович Достоевский, «почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются».

Укоренились здесь и мы – стало быть, знаем (не мог же классик ошибиться), как быть с этой таинственной загадкой!

На качелях с поползушкой

(Этюд)

Пора листопада, когда осень славно трудится под Левитана, преображая с каждым днём живописное полотно тайги. И лишь ветер не может смириться с потерей этой драгоценной позолоты, закручивая опавшие листья в вихре прощального танца «бабьего лета», поднимая их вверх, точно

пытается вернуть к деревьям, на законное место. Может быть, это и есть те самые «пляски осенние», что когда-то привиделись Поэту?

...Я обедаю на Перевале, в природной столовой на Столбах, и делюсь с поползушкой своей сосиской. Отложил на краешек, пусть остынет. Мясо птичка давно заприметила и теперь только и ждёт, пока за столиком не окажется никого – иначе спуститься с сосны не рискнёт.

Поползень, поползушка – нечто среднее между дятлом и синицей. С лесным «доктором» эту пташку роднит необычайная ловкость, с которой пернатая акробатка перемещается по деревьям, зависая вниз головой и ловко отработывая задний ход.

Как дятел, она добывает длинным клювом разную короedную живность и может сосредоточенно долбить больной ствол. Разве что стука на всю округу не услышишь, всё очень камерно и ювелирно у поползушки. Сама потому что кроха.

Наблюдаю за поползушкой и осторожно перемещаюсь в спортгородок, где обычно тренируются альпинисты, а сейчас качается на качелях восторженная девочка. Вверх-вниз подлетает, и сердце с каждым разом у неё замирает – от счастья, я думаю. Золотистые лучи играют в осенней кроне, на блестящих стальных цепях, и качели на Столбах мне кажутся по-настоящему солнечными...

Найдётся ли ещё место на земле, чтобы солнышко так приветливо нас качало и при этом благодарно пела поползушка? «Фью-фью-фью», – звучит её весёлая песня, птичке тоже захотелось на качели к ещё тёплым покамест лучикам!

Буран

(Набросок с натуры)

Есть такой колоритный глагол, характерный для диалектов северорусской полосы, – «буранит». Вчера буранило.

Обещанный с утра дождь на Перевале превратился в мокрый снег: крупные хлопья сыпались беспрерывно, так что в тайге попряталась всякая живность. Даже белки не промышляли, традиционно попрошайничая в заповеднике, – боялись промочить зимнюю шубку.

Уже сгущались сумерки, когда над распадом всё-таки появился крылатый хищник и хриплым, но жалобным голосом, точно малый ребёнок, раза три прокричал. То ли сожалел, что не видит никаких объектов каждодневной охоты, то ли удивлялся по-детски безмерному обилию пушистого снега.

А вместе с птицей (похоже, что она из породы ястребиных) дивился и я: зачем же ехать куда-то в заоблачные дали – в саянские горы, которые в шаговой доступности, тоже пришла мягкая, почти европейская зима...

Видение

(Аналогия)

В заснеженном парке, среди деревьев, ещё с ночи преображённых обильным куржаком, я встретил огромного дога, которого хозяйка заботливо укутала в тёплые одежды; издалека, на фоне ослепительной белизны, пёс сильно смахивал на коня, потерявшего своего рыцаря в Ледовом побоище.

Сколько их тогда бродило на поле брани, этих лошадей, укрытых в латы, с белёсыми попонами, с прядяющими, настороженными ушами, и, как знать, может быть, именно такими и были последние мазки княжеского триумфа при сдаче уцелевших псов-рыцарей в русский плен?..

Кануны

(Миниатюра)

Возле рубленой часовенки, что стоит на берегу таёжного ручья, зацвела верба. Пока выборочно, только на самых кряжистых стволах, которые никак не назовёшь обычным кустарником, настолько высоко они устремили свои жилистые ветви, обрамлённые как будто для изящества серебристыми барашками. Купола, верба, небосклон – всё купается в лучах солнца, а его сегодня за городом даже с избытком.

По меркам сибирской весны, верба зацвела слишком рано, но ведь там, в небесной канцелярии, чётко знают, где и когда, в какой даже час, – Вербное воскресенье же скоро!

Чистую лазурь, без единого облачка, высоко над моей головой чертит реактивный лайнер, разрезая небо и стирая наспех сделанную подпись.

Я смотрю, как она вслед за самолётом медленно растворяется в вышине, исчезает как белый дым; кажется, что чья-то очень чистая душа пролетела, сделав видимым для нас, грешных, свой нательный крестик.

Дикие часики

(Тайга весной)

Как я ни торопился, а всё же не успел к нужному сроку: в горах уже отцветает прострел. Теперь ему на смену спешат дикие фиалки; золотистым колером они украсили унылую подстилку берёзовых рощ, что вплотную подступили к северному склону Торгашинского хребта. Взобраться же на самую вершину фиалки не торопятся, да им и незачем: под покровом молодой листвы не так сильно палит солнце, влаги достаточно и цветкам вольготнее.

Мне, равнинному человеку, нежно-жёлтые венчики посреди берёзового леса и сухих валежин больше напоминают обычные лютики. И первое, что тут же приходит на ум: лютики – это фиалки, которые однажды спустились с гор, а теперь, оказавшись в унылых таёжных низинах, тоскуют по былой высоте.

Возможно, именно поэтому красивый цветок напитался ядовитым, поистине «лютым» соком, а убери столь вескую причину, и растение разом подбредет, резко изменив свою судьбу. И тогда можно будет без опаски брать его в букет, как и ту душистую черёмуху, запах которой чувствуется за версту, пока Мокрым логом не одолеешь наконец-то долгий подъём...

Черёмуха и дикая яблоня цветут всюю и в других лощинах, но с вершины хребта бесполезно вглядываться в палитру весенней тайги в надежде увидеть в ней пышную белизну: единственный цвет – бесконечная зелень, уже создающая маскировку для осторожной живности. Правда, рельеф очень разный. Как будто в давние-предавние времена кто-то долго трудился над его созданием, а потом терпения не хватило, занятие пришлось прекратить и в сердцах всё раскидать, точно пазлы, изрядно надоевшие. Кто это был? Может, царь Енисей, своенравный властитель Саян? Но даже эта ландшафтная «незавершёнка», горные перекаты огромного моря тайги впечатляют!

На вершине хребта с раннего утра усердствует ветер. Накануне в процессе упорной работы ему удалось обрушить довольно крепкую берёзу, согнутую в дугу майским снегопадом у самого входа в лощину, и его порывы готовы приняться за иной, более ювелирный труд – с корнем вырвать ещё цветущий прострел и поднять над каньоном эти крохотные парашюты с их ворсистыми стропами. Но хрупкий, почти невесомый прострел, облепивший южные склоны, далеко не единственный первоцвет на альпийских просторах Куйсумских гор.

Я нагибаюсь, чтобы пощупать руками редкие для середины мая гвоздики – до глубокой осени эти миниатюрные «часики», пристроившись где придётся, даже на камнях, будут радовать глаз человека.

Мне понятен этот указующий сигнал диких гвоздик: время цветочного сезона в Саянах начинает отсчёт!

Зинзивер

(Песня крохотной птахи)

Человек есть существо многоэтажное, сказал однажды русский философ, который по воле безбожных властителей был выдворен на чужбину. Он, конечно, имел в виду не только природную сложность, но и многоуровневый характер личности, её верхние этажи и нижние – сознательное и подсознательное. Но с ростом больших городов разве не пророчески звучат слова мыслителя насчёт этажности?

В каких только высотках не живёт нынешний человек: пять и даже девять этажей – это, можно сказать, никакая не высота. Ей на смену пришли небоскрёбы, их всё больше и больше в каждом

городе; всё в этих строениях пригнуто как надо, никаких щёлочек не найдёшь между блоками и, стало быть, не поселишься в них, если тебе суждено появиться на свет божий крохотной птицей...

Я думаю об этом часто, когда слышу голос пернатого соседа, что поселился где-то наверху моей лоджии. Сольным пением эти звуки не назовёшь – не поют в гнездовьях городские птицы, осторожничают, скрывают от глаз людских своё жилище, и правильно делают: много опасностей сулит близость с человеком. Возможно, именно поэтому, по причине недостаточного распева, владельца самой маленькой квартиры в большом многоэтажном доме я по ошибке принимал поначалу за воробья. А в итоге им оказался белощёкий «зинзивер» – так в народе называют большую синицу. Тут, я думаю, удивятся знатоки русской словесности: да это же крылатый герой поэта, считавшего себя самим Председателем Земного шара!

«Цу-ить, цу-ить», «дзин-дзи», – выводит на верхах мой зинзивер, когда уже впорхнул в жилище и отдыхает от трудов неустанных в поисках скудного прокорма. Я стараюсь теперь не сильно «фонить» в квартире: пусть не пугается птица, пусть ей будет в этих скрытых апартаментах хорошо. И ещё, конечно, возникает одно неперемнное условие в связи с моей синичкой-жиличкой, но уже скорее от Экклезиаста:

«Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальнной комнате твоей не злословь богато-го; потому что птица небесная может перенести слово твоё, и крылатая – пересказать речь твою».

Чистый понедельник

(Об эталонах)

Жизнь продолжается, несмотря ни на что – ход жизни (Curriculum vitae) никто не отменял...

С умилением наблюдал, как мылись в луже талой воды голуби и голубки, чистили свои пёрышки со всей основательностью, точно они тоже знают, что сегодня Чистый понедельник – первый день Великого поста.

Птицы были так заняты своим купанием, которым одарил месяц март, что ни один из голубей не воспользовался возможностью, чтобы грациозно похорохориться перед голубками, – на все ухаживания по случаю банного дня объявлен мораторий.

Я глядел на эти птичьи купания, и мне вдруг тоже захотелось водных процедур. Что там эта ванна! Хорошо бы в русскую баньку, как делали наши предки, а потом, после парной, соизмерить свои помыслы с эталоном вечной чистоты, предложенной нам Христом.

Но «не убий», «не укради», «не желай дома ближнего твоего» – эти его заповеди более всего даются нам с трудом, и я с тревогой гляжу в ночное окно, где ранним утром на небосклоне начнёт всходить кровавый Марс...

Дипломат

(Житейская история)

Ехал я как-то Московским трактом. С двух сторон его обступили лесные великаны: ёлки высокие, сосны разлапистые, всё в белых одеждах. Снег отовсюду – мелкий, неукротимый, он валит и валит с неба, бежит позёмом впереди тебя...

А попутчиком моим оказался машинист-кочегар силовой установки, дающей в отдалённое сибирское село тепло, стало быть, и жизнь. По дороге он достал термос, а когда открыл его – запах густой заварки оказался настолько сильным, что мог бы пробудить каждого, кто задремал.

– Чай девятилетний, – сказал мой кочегар и при этом пояснил, почему его напиток именно такой: – Вот уж девять лет, как «завязал»...

Его рассказ о прошлой жизни, как он боролся с похмельем и пил напропалую целых три года, принимая по два литра самогонки ежедневно, иначе бы и лопата, швыряющая в топку уголёк, выпала из рук, меня, конечно, удивил. Подумать только, какие в нашей глухомани живут и здравствуют богатыри! И ничего-то их не берёт, никакая нынешняя зараза! Составители той самой книги рекордов, где вы?

Но ещё больше поразило увлечение кочегара. Чтобы рядом с языкастым пламенем, способным пожирать всё, что ни клади, жизнь стала веселее, а скука надоедливая больше не мучила, он решил перейти на чифирь и как бы между делом выучил назубок столицы всех государств. Их нынче на белом свете столько, что и путешествия моего не хватит, если все перечислять, да ещё и комментировать каждую победу кочегара.

– Вот какая столица в Мозамбике? Ну что, лапы вверх? А в Кабо-Верде?

– Кабо – вверх!

В зимней дороге всегда приходит в голову какая-нибудь мысль. Как же без мысли-то? А здесь она была такова: вот если экзаменовать кочегара на чрезвычайного и полномочного, то ведь наш дипломатический корпус получит ценного работника. Не нами же сказано, что кадры, овладевшие техникой, решают всё. А кочегар мой за девять трезвых-то лет ей в совершенстве овладел, да и в Кабо-Верде белого человечка заждались...

Комок на асфальте

(Смерть и выводы об этом)

На пешеходной дорожке, почти вплотную примыкавшей к продуктовому киоску, среди старых клёнов, закатанных в асфальт, я чуть не наткнулся вчера на шерстяной комок, у которого отошла, расплзлась ниточка. Но это была крыса с длинным хвостом, она замерла без движения, затихла как вкопанная, и первое, что я подумал: смог ли бы с ней справиться мой бобтейл, которому бы наверняка эта схватка далась нелегко, ведь лишился он у меня верхнего, рабочего клыка...

А потом я отогнал эту мысль, потому как увидел, что крыса умирает, и каждое движение даётся ей тяжело; она завалилась даже на бок, подмяв под себя хвост, но была ещё в состоянии вернуться на четыре лапки и глядела на меня осознанным взглядом, точно говорила: «Смотрите, люди, я умираю, и это сделали вы, и только через вас пришла моя смерть...»

Крыса – это символ. С какого такого корабля современности она побежала, и где искать нам этот «Титаник» среди армады плывущих пока ещё судов? Конечно, я с таким выводом никак не согласился и двинулся от умирающего комочка на асфальте дальше, своей дорогой.

Крыса – тварь умная, и, живя рядом с человеком, она всё про нас знает, хорошо изучила наши повадки и наверняка осведомлена, что на миру и смерть красна. Остановимся пока на этом...

Слезинка

(Созерцание девочки)

В городском автобусе я видел слезинку ребёнка. Это была маленькая девочка с косичками, в русых хвостиках у которой были вплетены белые мотыльки – возможно, похожими запечатлёнными ангелами мы увидим их в райских кущах, если сподобимся к созерцанию доселе невиданного и радостного, должно быть, события.

Слезинка уже проделала на щеке дорожку, но всё ещё была объёмна и чиста, и весьма кстати подходила для этой, казалось бы, избитой на сто рядов метафоры: «чиста, как слеза». Если чиста, то именно у ребёнка, подумал я, потому как детские помыслы бывают поистине чисты.

И ведь более всех именно малые дети радовались въезду Господа нашего в град Иерусалим, и, в отличие от взрослых, они не кричали потом: «Распни его, распни!» – не предавали за обещанные монетки Иисуса Христа.

Девочку тянет за руку бабуля, на следующей остановке им выходить, а я всё ещё наблюдаю за слезинкой. Скоро её безжалостно размажут по лицу: если не девочка, так хладнокровная бабуля – жизнь слезинки ребёнка бывает слишком уж коротка. В противном случае можно и впрямь убедить народ в несовершенстве этого мира, где как будто из-под земли выскакивает торговый зазывала с мегафоном и кричат во всю Ивановскую для созерцателей вроде меня о том, что Чистый четверг и чистые скидки во всех балаганах.

Радение лету

(Что-то вроде оды)

Ни одна социальная революция, какой бы она ни была: пролетарской, в кровоподтёках, или же бархатной, но в воровских перчатках, – не делает людей равными, как этого великолепным образом достигает туризм. Но именно пеший, прогулочный, хайкинг ныне именуемый в угоду нашим извечным недругам.

Здесь, «на лоне счастья и забвенья», люди разных возрастов, имущественных положений, вероисповедания и природных дарований, как умственных, так и физических, становятся участливыми и благожелательными друг к другу. Как будто мы уже построили новое общество, общество будущего, не хуже райского...

Особенно отзывчивы на этих пеших прогулках фемины, поющие радость наступившему лету. Жаль только: коротко оно в Сибири, и не продлишь, не пролонгируешь удовольствие, заключив на паритетных началах союз с небесными силами об этом радении...

Вечная подружка

(Солидарность с планетой Земля)

В день полного лунного затмения, фаза в фазу, я шёл по скошенному лугу, вкушал запахи разнотравья, слушал рулады потревоженных косовицей кузнечиков и ждал обещанную по такому случаю грозу. Но по-прежнему было ясно, лёгкие облака группировались только на западе – казалось, ничто не предвещало дождя.

Он возник ниоткуда, и сколько бы я ни всматривался, сколько бы ни искал происхождение дождя, ничего на небосклоне не нашёл. Потому-то мне и подумалось, что это был не просто дождь, а прокапали с космической высоты слёзы Луны. Это она в силу естественных обстоятельств вошла в земную тень и там, в других точках планеты, куда уже нагрязнула ночь, просматривается в виде тревожной картины – кроваво-красный диск, больше похожий на воинственный Марс.

Что предвещаешь ты нынче, вечная подружка Земли? Это твои просторы романтики дальних странствий окрестили Морем Изобилия, а сопредельное Море Кризиса придумал, конечно, нехороший человек, чтобы свои нерешённые проблемы вывести как можно дальше, на околоземную орбиту. А может, ты и за спутницу свою решила заступиться и ради космической солидарности вместе с ней всплакнуть? Ей-то с обществом потребления земных благ живётся труднее всего...

Редкие капли дождя, посетившие окрестности губернского города N в день затмения, конечно, не дали мне ответа и не смогли напоить живительной влагой этот уголок земли на великом пространстве Сибири, но пролились они, думаю, не зря. Сочинил же я для чего-то эти «Слёзы Луны»...

Философ

(Рецепты мужского здоровья)

Встретил старого знакомцы, служившего когда-то по ведомству, на котором, говорят, вся Россия держится. Должность он занимал немалую, генеральскую, но сила непреодолимых обстоятельств заставила его потерять интерес к жизни. А когда такое случается, то ищут замену и находят её, как потерянную истину, – в вине.

Стал он человеком перманентно пьющим и, естественно, философствующим. Вот сегодня говорил про здоровье мужиков, которое совершенно предсказуемо. Это у женщин вечно всё не так, а сильный пол можно легко просчитать. Даже к доктору не надо наведываться, а при ковиде и прочих напастях это и вовсе становится неактуально.

– По бабам не ходишь – простатит, – глаголил он, разложив всё по полочкам, и только что пальцы не загибал. – Водку пьёшь – печень...

Он как-то упустил про сердце, отчего сердце-то у мужика может забарахлить, но я догадался – от работы, когда ушёл в неё с головой, окунулся по шею, точно страус.

Хоть немного пообщаешься с перманентно пьющим и сам, глядишь, каким-нибудь философом станешь. А если не философом, то человеком очень догадливым, ну и мудрости достаточно хватанувшим.

Напевы

(О песнях вещей)

Знаю одну даму, которая в бытность свою маленькой девочкой пела песню «Ах, Коля-Николаша...».

Пела везде, где только детской душе было угодно: дома, в общественном транспорте, говорят, и в школе тоже, а в садик она совсем не ходила, законченной индивидуалисткой росла. И напела – суженый-ряженный объявился, и, как водится, звали его Николаем.

Знаю одного мужа, который в ванной, во время водных процедур, систематически пел «По диким степям Забайкалья». И тоже напел на свою выю: тот самый край, который теперь у нас совсем переименовали (к Дальневосточной округе уже отнесли), предстал во всей красе хребта Яблонового и дикости местных нравов. Речь-то в песне шла о бродяге, судьбу свою проклинавшем...

Знаю одного литературного героя, который по воле Юрия Карловича Олеши до сих пор поёт утрам в клозете странные песни без мелодии и слов с непонятным испусканием звуков «та-ра-ра». Логика исторических событий в России такова: напоёт себе этот колбасник Бабичев не что-нибудь – револьверные выстрелы тридцать седьмого.

Но вы не пугайтесь: что бы из того ни случилось, смело пойте, коли сердце просит. И даже не сомневайтесь: вас непременно оценят. Если не здесь, то в ином измерении, где всё видят и всё про всех знают, всю подноготную. Там не ограничиваются слепыми прослушиваниями и воздают каждому по его спетым песням!

Махорка

(Из записок некурящего)

Войну, конечно, я не помню (это сколько же нужно пожить на белом свете, чтобы помнить её?), но я помню махорку, войне сопутствующую, входившую в солдатский паёк, а человек, который знает, что такое махорка, по праву может быть отнесён к редчайшей категории людей нашего времени, это уж точно – последние из могижан.

Помню, как крупка набивалась в самодельный кисет, расфасованная в тонкие бумажные пакетики на табачных фабриках, а потом от неё дико кашляли наши отцы и деды. Она была намного сильнее «Беломора» – самых крутых папирос сталинской поры боевого калибра 7,62 миллиметра. Сохранились даже народные предания, что с махоркой можно было вести победоносную войну против насекомых: тараканов и клопов, и ни один из них, закалённых суровой советской действительностью, не выдерживал натиска, познакомившись с этим убойным табачком. Махорку сворачивали в самокрутки, на эти цели шла преимущественно партийно-советская печать, но «Огонёк», к примеру, уже не годился – там использовалась другая бумага, и заядлые курильщики это знали. А вот газетная, желтеющая на следующий день после выпуска, приходилась в самый раз!

Можно сказать, махорка и партийно-советская печать были сёстрами-близнецами, и я это понял, когда поработал с архивными материалами победного сорок пятого года:

«Махорка – трудоёмкая, но очень важная культура, – призывала в середине мая, в разгар весеннего сева, районная газета «Сталинец». – План посадки её должен быть выполнен безусловно каждым колхозом».

Я живо представил себе этот колхоз, который в условиях Сибири пытался всё же вырастить затратную агротехническую культуру, спущенную по разнарядке, как потом, следуя указаниям товарища Хрущёва, будут спускать в немислимых масштабах и кукурузу, «царицу полей». Перед моими глазами возник и горе-редактор, который по ходу дела уже догадывался, что его писанину деревенские мужики пустят на раскур. Любопытства ради ему, конечно, хотелось бы узнать, а набивает ли махоркой трубку сам товарищ Сталин. Но это была крамольная мысль, и гнал её уцелевший от чисток боец идеологического фронта как можно дальше, абсолютно уверенный в том, что никакая внешняя изоляция нам не страшна, если страна – единый большой колхоз, производящий у себя дома всё, ис-

ключая разве что атрибуты буржуазной моды – пресловутые колготки. Да и зачем они неутомимым советским труженицам, которых партия, наш рулевой, не сегодня-завтра бороздить безбрежные просторы Вселенной позовёт?

Пони и нищий

(Где ты, Неразменный рубль?)

Возле автобусной остановки стояла привязанной к перилам маленькая лошадь, на которой обычно катают малолетних детей. Она была совершенно одна – девица-индивидуалка, нещадно эксплуатирующая четвероногую рабыню с утра до вечера, особенно по выходным, куда-то делась, и самое добродушное и миролюбивое животное в беспокойстве прядало ушами. Взгляд умных глаз точно говорил: пусть уж лучше поскорее явится хозяйка и снова мне придётся поработать, чем неясность и одиночество!

А в ожидании худшего, от чего животное абсолютно не застраховано в людном месте, маленькая лошадь слегка пригнула заднюю ногу. Пони была, конечно, без подков (до того ли девице-то, да и где сейчас настоящие кузнецы?), и копыта у животного, украшенного для антуража красной попоной с седлом и жёлтой опушкой, кое-где поизносились, но даже и в этом ущербном виде лошадиное «оружие возмездия» вполне бы себя оправдало.

Я с умилением рассматривал пони, которая с рождения, едва вскочив на ноги, уже усвоила одну простую истину: нас не трогай – мы не тронем, а затронешь – спуска не дадим. Без хозяйки-то к кобылке, пожалуй, и не подойдёшь, чтобы покормить хотя бы хлебом, овсом-то я нынче не богат...

И пока я наблюдал за пони, за мной, оказывается, тоже наблюдали. Это был городской нищий, ещё относительно чистый, не утративший правил приличия, где-то даже интеллигентность во внешнем облике, потому как очень уж вежливо, с пожеланием доброго дня, обратился за помощью, полностью уверенный, что вот этот человек не откажет: лошадок-то вон как любит...

Я протянул ему сотку (её должно было хватить на жирный чебурек, а на его покупку нищий и просил), но потом всё-таки пожалел. Пожалел, что это не тот Неразменный рубль, который, сколько его ни трать, всё равно он остаётся у тебя и можно уже ничего более на улицах не просить, а богатство так в руки и поплывёт, прочь отогнав нужду...

Птица счастья

(Настроение)

...В тот день я был особенно счастлив, но понимал одну простую вещь: чтобы счастье от тебя не ушло, нужно сделать доброе дело.

Тогда я купил овсяных хлопьев и высыпал их на плитку перед служебным входом в магазин, дабы оградить птиц от идущих прохожих. Через минуту появились голуби, но летели они не к тем вкусным кучкам, которые и должны были их притянуть, а к моим ногам – птицы могут быть благодарными.

Я смотрел на моих сизокрылых друзей и думал, что каждый из них и есть птица счастья, а не та, о которой когда-то, ещё в прошлом веке, пел досточтимый маэстро Гнатюк.

Моя землячка

(Как послание с далёкой родины)

В заветном местечке моего отдохновения, где лиственницы плотным ковром устлали сырую землю золотистыми иголками, я встретил серую ворону и точно получил весточку с далёкой родины. Не водится этот вид на востоке Сибири, никогда практически не залетает, и как же ты, сизо-чёрная голубушка, оказалась там, куда заносит нелёгкая только твоих смоляных сородичей, кого многие по незнанию принимают за мудрых вóронов-долгожителей? Но вóрон звук издаёт булькающий, а ворона каркает: во всё воронье горло, если верить дедушке, известному нам по школьному курсу седовластому баснописцу.

Помню, как я осчастливился, когда увидел серых ворóн, подъезжая поздней осенью к Ишиму; в поисках добычи они скакали на тоненьких ходульках по станционным путям. И это был первый

сигнал, что Урал уже скоро, а там, глядишь, и моя Вятка покажется. Но ни тогда, ни теперь ничего съестного у меня под рукой не оказалось, и я не смог порадовать пернатых землячек, да и нынче только глазел, как холодный ветер, задувая, топорщил серую птичью грудку, как будто хотел подарить мне на память маленькое пёрышко и тоже, вместе с вороной, приглашал в дорогу.

«Почему люди не летают, как птицы?» – эта риторика трагической героини, сравнимая с вопросом принца датского, звучит в России уже полтора столетия. Наш человек научился летать на аэропланах разных конструкций, но так и не изобрёл для себя крылья, подобно ангельским, заплечным, чтобы можно было уложить их в рюкзачок и при случае бесшумно и прямо с места подниматься ввысь и устремляться в далёкое путешествие, куда глаза глядят и куда душа пожелает.

Если такая левитация когда-либо случится (а она, я уверен, произойдёт!), то это и сделает человека свободным, перемещая его удивительным образом в воздушном пространстве. И что нам тогда какая-то ворона, каждый ощутит себя настоящим орлом, а то и вовсе гигантским кондором, взмывающим высоко-высоко и парящим над просторами бескрайнего Отечества.

Продолжатель

(Чья новация-то?)

Современные историки непомерно превозносят роль Столыпина, делая из него великого реформатора, забывая о том, что всякие реформы выходят боком для России-матушки. Но даже переселение в Сибирь не было новацией Петра Аркадьевича, поскольку ещё в 1889 году столь грандиозное начало этому делу положил император Александр Третий.

Переселение народов на казённые земли восточных окраин государства Российского было жизненно необходимо как обеспечение строительства Великого Сибирского пути – самого масштабного не только в отечественной, но и во всемирной истории инфраструктурного проекта. Не превзошли ведь до сих пор!

Старт великому заселению Сибири – и уже не за счёт ссылки и каторги – дал русский царь-богатырь, а председатель кабинета министров его наследного сына это начинание лишь продолжил. Как ни крути, но такова правда Истории, и её никак не поместишь в пресловутый «столыпинский вагон», в котором тряслись по Транссибу двадцать лет спустя после царского указа переселенцы второй волны, выехавшие из центральных губерний...

Пыль времени

(Ошибаются всё-таки летописцы)

Для новой документальной книги листал подшивку тридцатилетней давности одного крутого большеформатного издания, которое, помнится, очень кичилось могуществом печатного слова. Кичилась им и пишущая братия, повторяя, точно мантры, нужные идеологические установки.

Абсолютное большинство из всего того, в чём летописцы минувшей эпохи своих читателей увещевали, не выдержало проверку временем. Новоявленный царь Россию не возродил (он даже урезал её в границах), рынок и демократия нас не сделали свободными, а раба из себя мы выдавливаем так долго и основательно, что, того и гляди, от этих маленьких капелек может ещё один потоп случиться, даже сильные мира сего на своих персональных ковчегах далеко не уплывут...

И, придя к этой мысли, я долго мыл руки, пытаюсь смыть наносную пыль времени, но никак не решался спросить себя: а на моих-то ладонях разве не остались невидимые песчинки минувшей эпохи, микронные доли которых глубоко, теперь уже, возможно, и до конца дней, врезались в линии одной-единственной – моей жизни?

Писатели и толкователи

(О сновидениях человека)

Литературные критики мало чем отличаются от медиумов – толкователей снов. Одни пробуют объяснить бессознательное, а другие пытаются постичь тайны творчества, навязывая читателю то,

чего в сочинении даже близко нет. При этом у толкователей хорошо получается дурачить не только публику, но и озадачивать всех, кто сражён Морфеєм или подсел на Пегаса.

И всё-таки как заманчиво самому оказаться в одной из этих ролей, а то и двух сразу, как это произошло в случае с Алексеем Ремизовым, который одним из первых начал доказывать связь русской литературы с характером сновидений и толковать их в творчестве наших классиков. И потом долго, до конца жизни, остался верным столь необычному хобби, отводя в «дневниках мыслей» им, ночным видениям, страницу за страницей. И даже в самую трудную пору, в период немецкой оккупации Парижа и страшной нищеты в жизни писателя, находил возможность отметить между воздушными тревогами («алертами», как у автора) наступление нового и трудного этапа в творчестве, когда «что-то снится, но не помнится». Пожалуй, это и была настоящая драма престарелого эмигранта, который уже определённно был готов захлопнуть дверь, ведущую к культурным тайнам блистательного века.

У меня на данном жизненном этапе тоже со сновидениями не слишком густо. Но вот приснилась тут как-то лиса: она тёрлась возле ног, ластилась как преданная собака и как пёс неистово залаяла, точно предупреждая о чём-то. А предостерегала рыжая бестия от обмана – это я и без сонника понял, куда давно уже дал себе зарок не заглядывать, чтобы не тешить проклятую нечистую силу, дабы она (перефразирую несколько Ремизова) моим конституционным строением не завладела.

И ведь точно: в тот же самый день меня пытались обмануть по-крупному, имущественно (на то он и рынок, чтобы обводить вокруг пальца всяких там околотитературных лохов!), но не поддался я.

Так что есть нам польза от игривой лисы-лисоньки, приходящей порой в сновидениях, и «взвирённого» (укладка локонов такая!) кудесника русского слова Алексея Михайловича Ремизова!

Бредень

(Сличая прошлое с настоящим)

Господа нигилисты, сотрясатели устоев, так обожествляли народ, что, чувствуя свою вину перед ним, оказали ему медвежью услугу, вовлекая в ряды бомбистов самых разных его представителей. И если литературный Рахметов спал на гвоздях, то вятский мужик Степан Халтурин его переплюнул. Устроившись краснодеревщиком в Зимний, в ущерб своему же здоровью он спал на динамите, чтобы однажды царский дворец взлетел на воздух. Даже на искусство, которое, как потом выяснилось, принадлежит всё-таки народу, террористу было наплевать...

Беда Степана в том, что он хоть и вышел из народа, но вместе с нигилистами так и не понял, что именно в поисках счастья и лучшей доли будет полезно народу. Вряд ли этот народоволец читал «Войну и мир», где классик уже обозначил грядущую перспективу устами своего героя с идеалистическим именем Платон: «Счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету...»

Бредень революции для человеческого общества абсолютно губителен, улов здесь блеснёт лишь на первых порах, а потом вода становится не столько мутной, сколько ужасающе кровавой.

Нынче мы живём опять же в небывалое для России и всего мира время – эпоху искусственно созданного капитализма, конструкция которого крайне зыбка, потому как происхождение капиталов чрезвычайно таинственно. Чтобы схватиться за бредень, теперь не требуются даже господа нигилисты – достаточно одного Интернета, он лучше всякой партии «распропагандирует» массы, которым уж точно надоело жить по-старому.

Но вся проблема нашего непонятого царства-государства в том, что и жизни по-новому, исправляя те же ошибки приватизации некогда общенародной собственности, никто предложить не может и не хочет. А когда нет идеи, тогда и голова не работает, и у народа остаётся одно – инстинкты, и без того раздутые самой же властью: обогащайся кто может и как может!

Вот и получается, что в модели либерального устройства России, предложенной демократами в ходе «тихой» революции в 91-м, уже заложена атомная бомба. Кто это сделал? Только не Ленин!

Тушёнка на привале

(Похвальное слово «Завтраку»)

Вкусовые ощущения всё-таки самые сильные, они настолько прочно внедряются в подсознание, что вряд ли оно с ними распрощается. Какой-нибудь инсулиновый дедуля, возможно, и не вспомнит, в каком году на свет появился, а запах пшеничной водки, пропущенной под малосолевой огурчик, будет преследовать его до гробовой доски.

Уже и государства того нет, а я помню запах ржаного хлеба, испечённого бабушкой в русской печи, мне не забыть аромат, исходящий от «слоников» производства Иркутской чаеразвесочной фабрики, и вкус «Завтрака туриста», аппетитно вскрытого на привале, – всё это никак и ничем не перешибёшь. И как бы ни пыжились господа-товарищи, утверждая, что только резиновые галоши и производил тот самый Союз, меня на этой «демократической» мякине не проведёшь. И агитировать за преимущества строя, который только и делает, что гонит для прибыли избранных мира сего «незабываемый» суррогат всего и вся, меня тоже не надо.

Я приму и эту, и любую другую общественную формацию, но лишь в том разъединственном случае, если вдруг откажут вкусовые рецепторы – только им можно абсолютно доверять, обдумывая своё житьё-бытьё!

Барабанная трель дятла

(Программное)

По тропинке, идущей к Серебренниковскому ручью, среди зимней тишины леса, которая при полном безветрии может показаться несколько настораживающей, я услышал стук дятла и долго не мог понять, где же трудится он, бедолага, больной на голову от непомерных усилий.

Взгляд искал птицу на верхушках деревьев, но там его и в помине не было: вкалывал чёрно-пёстрый санитар почти у самого основания раскидистой берёзы. Да так неистово усердствовал на своём рабочем месте, что летела в разные стороны в совокупности с жёлтой трухой даже береста... Дерево лечат – щепки летят!

Позволю себе заметить, что лесной «доктор» отнюдь не случайно выбрал для себя белоствольную берёзу. Она для него тоже некий символ заболевшей родины, дятловой страны обитания.

Вот какая птица может и должна стать национальным образцом исполнения своих обязанностей для всех нас – дятел! Лечить, в срочном порядке лечить ствол, иначе не дотянет он до весны, не пойдут по нему живительные соки из земли-матушки, пока сидят внутри внутренние разрушители, разные жучки да паучки!

И только я удалился на почтительное расстояние, как среди молчаливых сосен, не шумящих нынче своими верхушками, услышал другой звук – барабанную трель. Её издавал уже другой дятел: у них так принято – с приближением весны ударять по сухому сучку и, по законам физики, резонансно обозначать свою территорию, напоминая о том, что ради будущего потомства надобно дятлам трудиться. Весь световой день, разве что ночь не прихватывая.

Похоже, и нам, следуя этому благому примеру, стоит ударить в набат, чтобы начать чистить пока ещё живое национальное дерево. Потом просто поздно будет...

